

КОМНАТА

16+

Анна Карчикян

Анна Карчикян

Комната

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67037400

SelfPub; 2022

Аннотация

Существует отдельный мир, созданный вокруг совершенно разбитого и отверженного человека, где тот проводит остаток своей жизни. Тюрьма – ставшая домом, решетки – ставшие членами семьи, вот только, закончится ли когда-нибудь срок, или же он обречен на пожизненное заключение?

Анна Карчикян

Комната

ГЛАВА 1

ОДИНОЧЕСТВО

Забытый человек сидя в углу крошечной комнаты не прекращал думать о том насколько этот огромный беспощадный мир тесен для него. На улице уже стемнело, виднелись звёзды из-под облаков, в окнах далеких зданий горел свет, и он отчаянно надеялся, что в одной из этих квартир кто-то ждёт его. Он заснул посреди раздумий и выглядел немного встревоженным, обеспокоенным, будто знал, что всё, о чем он так сильно нуждается никогда не сбудется. Звонок прозвенел, конец занятий. Неожиданно пробудившись, он быстро собрался и не проронив ни слова вышел из училища. Зимний мороз пробирал до костей. Он молча шёл по тротуару направляясь домой и все думал о чём-то несбыточном. Отыскав самую холодную железную скамью, он сел и затянулся сигаретой. Просидев там до самого утра, он, потеряв счёт времени вернулся домой, разделся и лёг спать. Во снах он не чувствовал себя одиноким, ибо явившиеся образы казались ему родными, однако нереальными.

Проснувшись ближе к вечеру, неподвижно лёжа в постели, он пытался найти хоть одну причину чтобы встать и прожить уже заканчивающийся день. Комната как клетка не выпускала его наружу, и он как послушный зверёк подчинялся воле четырех стен.

Словно призрак слившись с темнотой, он вышел на ночную прогулку, чтобы не видеть никого и самому оставаться невидимым. Он шагал по знакомым улицам и возвращался обратно. Вглядываясь в темноту, погружался в свои мысли, как будто у него не было ничего ценнее них. Свет фонарного столба привлекал мотыльков, которые с целью согреться билась об него со всей силы. Он вдруг почувствовал себя таким же мотыльком. «Я заблудший во мраке ищу свой источник света, но существует ли он вообще? Не гоняюсь ли я за иллюзией?». Трое собак лаяли друг на друга и бешено скалили зубы. Несущественный страх внезапно овладел им, ибо они были единственными живыми существами составившие ему компанию той ночью. Дрожал то ли от холода то ли от испуга, однако несмотря на теплую одежду, замёрз, но всё продолжал сидеть на том же месте в ожидании очередного утра.

Жить без цели, без перспектив, лишь существовать из-за страха смерти, волочить будущий труп за собой от одной точки в другую и как мусор разлагаться на незнакомых улицах, наполнять легкие дымом чаще чем воздухом, оставаться нелюдимым в гуще толпы, наблюдать за происходящим

но не участвовать в нём, а дни словно заевшая плёнка будут повторяться раз за разом, пока не забудешь были ли у тебя другие дни кроме этого нескончаемого? Ночь, дворы, полупьяные и обкуренные неудачники, подзаборная шпана, неадекватное быдло, отбросы общества, скамейка, сигареты, дом, кровать, ночь, дворы и одиночество, неопишное, разрывающее все внутренности. Одиночество в роли ревнивой супруги, не подпускающей к нему никого из людей. Наблюдение за этим цирком уродов было единственным развлечением в его жизни. Иногда некоторые особи подходили, начинали разговор, иногда предлагали свои сексуальные услуги, иногда просили сигарету, а иногда затевали драку. Он уже привык к подобному, ничего его не удивляло, ничего не радовало и даже расстраиваться он стал гораздо реже. Жизнь проходила мимо него и случайно оказавшись среди живущих он горестно недоумевал.

Какой-то шатающийся старик еле-еле опустился на скамью рядом с наблюдателем и громко закашлявшись проговорил несколько непонятных слов. Он устремил свой взор на старика, ожидая пока его речь станет попонятней.

– Бронхит изрядно меня помучил, но вот вышел в такую погоду в такой поздний час, лишь бы не слышать этот отвратительный звук часовых стрелок. Не могу я спать, этот чёртов звук сводит меня с ума! – Старик опять начал кашлять и ненадолго замолк.

– Вы же могли просто разбить часы. – заинтересованно спросил он.

– Мог бы, да только звук этот уже в голове засел, каждый тик напоминает о скоропостижной кончине и думать о чем-либо другом перестаёшь, возникает желание сбежать прочь, подальше из тесной комнаты. Но от времени то я не сбегу, лишь обманывать себя пытаюсь, нехорошо это. – Старик вздохнул и закрыл глаза,

и двое обреченных на смерть молча вслушивались в тишину, пытаясь смириться с приговором. Молодой думал, что у него есть еще несколько лет, а старый вздрагивал от ужаса после каждой пройденной минуты.

Они закурили.

Он всё не переставал кашлять, а наблюдатель следил за тлеющей сигаретой в дражайших пальцах старика. Он думал, когда она полностью истлеет, старик, задохнувшись упадёт мертвым, однако этого не произошло и немного огорчившись он отвёл взгляд куда-то в даль.

– Все мои родные уже в могилах гниют, потомство я не оставил, проживаю последние дни в одиночестве и трясусь как осиновый лист, будто ещё есть о ком заботиться, что те-

рять. Странный я человек, прожил почти что девяносто лет и мне всё мало. – он бросил окурок на снег и опустил голову.

– Вам страшно? – не посмотрев на него спросил юноша.

– Да, мать твою, мне чертовски страшно! – после крика у него опять начался приступ кашля.

Он сочувствовал старику и понимал, что когда-нибудь окажется на его месте.

И вот, тревога снова пленила его. Пустая пачка сигарет выпала из кармана, поднимать он её не стал, лишь усталым голосом процедил:

– Светает.

Весь день он провёл в постели. Ему снился старик, который все бежит и бежит, прячется среди трупов прикинувшись одним из них, лишь бы смерть оставила его в покое, но она слишком сильно была в него влюблена, так же как и одиночество с которым прожил бок о бок большую половину жизни Наблюдатель.

После кошмарного сна, он еще долго приходил в себя, пялился в потолок и думал «где же сейчас этот старец? Нашел ли он укрытие или всё-таки возлюбленная отыскала его?». На часах 17:30, силы на исходе, он должен встать, одеться,

умыться, позавтракать и дожидаться ночи. Необходимость пойти в ванную комнату потребовало колоссальных усилий, после он с трудом запикивал пищу в рот и всё время отвлекался на что-то другое, лишь бы не заниматься этим заурядным процессом. Он одевался где-то час, ибо падал при малейшем движении, он устал, ему хотелось спать. Проснувшись на диване со спущенными штанами, он понял, что находится на самом дне человеческого существования, что ему не изменить исход бесконечного дня, что в этой жизни он прославится неудачником в окружении своих противных четырех стен. Он хотел плакать, но не сумел, видимо даже на это у него не хватило сил. Он еле встал и застегнул молнию штанов. «Опять то же самое» прикоснувшись к дверной ручке думал он.

Шёл снег.

Поддавшись мечтам, он на минуту позабыл обо всём гнетущем, словно оказался в одном из своих снов от которого не хотелось просыпаться. Когда-то он был полон энтузиазма, картина мира была не так омрачена, как сейчас. Во взрослой жизни мало интересного и весёлого, всё слишком сложно и формально, заурядно и предсказуемо. Ему не хотелось взрослеть, вникать во все эти ненужные подробности, понимать как устроены те или иные вещи, зарабатывать на утомляющей работе, пахать изо дня в день отдыхая лишь раз в неделю и то в постоянном ожидании понедельника. Есть и

спать, работать для того, чтобы было что поесть и где поспать, будто жизнь обусловлена только этими банальными потребностями. Существовать ради существования как все прочие животные, так для него выглядела взрослая жизнь. Он пытался сбежать от этого, но бежать было некуда. Ночь сменялась днём, годы проходили незаметно, время уходило вспять и маленький мальчик решив побегать с ним наперегонки, проиграл и остался далеко позади. Борьба и противостояние бессмысленны если ты всего лишь человек.

Снег усиливался, вокруг всё покрылось белым, ему это показалось отвратительным, и он вернулся восвояси. Сегодня мир слишком враждебен для него, впрочем, как и всегда, но эта слепящая белизна, пронизывающий холод, недовольные сморщенные лица людей были уже чересчур. Он смотрел в окно: чёрные силуэты на белом снегу как сборище тараканов, как грязные пятна оскверняли весь вид. Людей было полно. Он сидел с гитарой в руках и пытался сочинить что-то, но звуки, которые он извлекал походили на крик о помощи. «Наступает утро и наружный грязный воздух проникает в мою комнату. Солнце поднимается, сияние его обнадеживает несмотря на то, что я не спал всю ночь». Мысли зарождаются и умирают внутри этих стен, они никогда не вырвутся наружу, не предстанут перед публикой, жаждущей шоу, ибо интимнее них нет ничего и никогда не будет. Вся эта комната могила дум и идей, а он создатель и палач одновременно, он есть творец, быть может он подобен богу,

кто знает, глупости все это. Кому нужен маленький человек, покрытый непробиваемым панцирем, боящийся дневного света, привыкший к нелюдимости, со страхами и тревогами, с постоянным чувством безысходности?

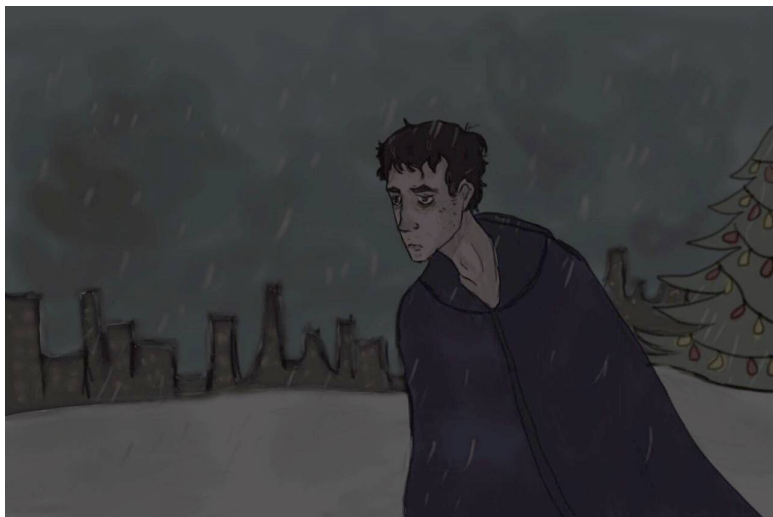
Он иногда воображал себя успешным музыкантом с целой кучей поклонников, представлял как у него берут интервью и мысленно отвечал на все заданные вопросы. Это его забавляло и возможно в глубине души он верил что когда-нибудь всё так и будет, о нём будут говорить, в нём будут нуждаться, некоторые станут его подражать, некоторые вдохновятся им, и он расстанется с одиночеством раз и навсегда.

II

Близился канун рождества, все суетились, покупали подарки для своих родных, неустанно тратились на всякое барахло, еду, украшения. Он смотрел на этот процесс и удивлялся, не имея ни малейшего представления для кого ему приготовить подарок. Денег у него было немного, хватало только на карманные расходы, он обычно обменивал их на сигареты или на шоколадные батончики. Быть может обрадовать сестру и маму чем-то вкусным? Он зашёл в магазин и долго не сосредотачивался ни на чём. Отыскав кондитерский отдел, он внимательно вглядывался в ценники, считал мелочь в кармане и огорчённо вздыхал. На миг он захотел

украсть плитку, которая показалась ему симпатичной, однако быстро опомнившись с пустыми руками вышел оттуда. Вряд ли они обрадуются этому, ведь уже три года как он с ними почти не видится хоть они и живут вместе. Он бодрствует лишь ночью, а они как обычные нормальные люди спят по это время. Иногда по утрам с осуждающими и недовольными взглядами провожают его до спальни. У него не было сомнений что они его любят, однако, они чертовски сильно устали бороться за то, за что он сам бороться перестал; они разочаровались и сдались, поэтому никакая плитка не спасёт ситуацию и не обрадует никого. Он почувствовал вину и осознал, насколько сильно соскучился по ним; но ничего не поделаешь; всё катится в тартарары и препятствовать этому он явно не был намерен. Он любил Рождество, быть может мысль об этом с детства закрадывалась в голову, постоянно вспоминал ужин в кругу семьи, улыбки дорогих ему людей, вкусно накрытый стол, напитки, выпивка, снег за окном, беззаботная жизнь, предвкушение нового наступающего года. Все эти воспоминания согревали сердце, но при этом уже несколько лет подряд он празднует один, на улице, позволяя себе до того как уйти в отключку, слегка напиться и отдохнуть от окружающей обстановки, потупить чувства, утопить их в бутылке пива и бродить по незнакомым дворам. Он был оторван от обычной человеческой жизни, выброшен за борт. Он стоял на месте и не двигался ни в какую сторону, пока земной шар в бесконечном цикле вращался, менялся и обновлялся. Он

словно отказался принимать участие в этом и замер подобно статуе. Какого это, быть кем-то другим, думать по-другому, выглядеть иначе, возвращаться в совершенно незнакомый дом и встречать абсолютно других людей? Он мечтал о том, чтобы проснуться однажды другим человеком. Пальцы замёрзли в карманах потрёпанной куртки, глаза слезились, но он, не обратив на это внимания шёл куда-то лишь бы не оставаться в одном и том же месте надолго. Он боялся перемен, но отчаянно в них нуждался. Вернувшись в свой родной двор, сел в свою скамью и обшарив карманы понял, что пачка сигарет отсутствует. Досадно устремив взгляд в небо, просидел там от силы полчаса и вернулся домой.

Всё сложнее понимать примитивные вещи. Люди привыкли взаимодействовать между собой совершенно не так как представлял себе Наблюдатель; для него этот механизм работал иначе. Он думал, что является отходным материалом человечества из-за своей непригодности обществу. С самого детства его сторонились, считая странным, чудаковатым типом в силу своей отстранённости и замкнутости. Он был молчаливым ребёнком, спокойным и впечатлительным, а они, отпрыски разных семей издевались над ним как это обычно происходит если ты являешься белой вороной. Дети слишком жестоки, однако их родители решившие обзавестись детьми гораздо более жестоки, чем вы можете себе представить. Все лишь жертвы неправильного воспитания своих родителей, которые своей халатностью травмируют неокрепшую психику ребенка. Эмоциональные калеки выращивают таких же инвалидов, а эти в свою очередь занимаются тем же и круг окончательно замыкается. Его часто избивали кучками, публично унижали и сплетничали за спиной, распускали ложные слухи и мерзко подшучивали, как будто пытались выполнить поставленную перед ними задачу – разбить человека и любоваться зрелищем. Из-за постоянного страха быть избитым, убитым и униженным у него возникло тревожное расстройство. Он думал, что его где-то рядом поджидают задиры, и поэтому выходил с чёрного входа и бежал как можно быстрее чтобы скрыться из виду. Он не

то, чтобы боялся физической боли, скорее боялся человеческой жестокости, у которой нет предела. И вот, жить становилось труднее: он стал запуганным, дёрганым, частенько опаздывал из-за излишней предосторожности, проверял всё по несколько раз пока не убеждался, что всё выполнено правильно и можно перейти к следующему действию. Это утомляло, иногда сводило с ума не только его, но и окружающих. С ним было трудно, но ему было труднее всего.

Он постепенно сталкивался с несправедливостью, злостью, грязью, иногда даже становился центром всеобщего обозрения. Он обычно выглядел в глазах общественности шутком, который всегда всех веселил, но несмотря на это все без исключения его запоминали и знали его по имени. У него была репутация человека не от мира сего, его ни во что не ставили и за человека принимали тоже с трудом, хоть он и привык этого не замечать. Однажды сидя в классе, дети обсуждали кое-что важное и советовались друг с другом. Он решил высказать свое мнение, но один из учеников огрызнувшись промолвил, что никого тут его мнение не волнует. Ни один из присутствующих не стал этому возражать, и он обиженный таким грубым высказыванием, резко встал и вышел из класса громко захлопнув дверь. Это событие хорошо сохранилось в его памяти, непонятно почему. Сказать, что у него была насыщенная молодость будет неправдой, но некоторые происшествия сильно повлияли на этого хрупкого и ранимого человека. Он все ещё не смог забыть, как впер-

вые ударил девочку за то, что она попыталась его унижить перед остальными. Она доставала его постоянно как заноза в заднице, он как обычно не обращал внимания на такие выходы, его мало что выводило из себя. Но вот в один день их обоих отвели к директору из-за какой-то ссоры, а директор в свою очередь вызвал его маму в школу. Эта школьница уж очень красочно пожаловалась ему и наигранно плакалась для убедительности. У мамы подобное вызвало какое-то легкое удивление, ведь его то сын если и не был самым спокойным и тихим ребенком во всем мире, то уж точно являлся таковым в классе, неужели он действительно мог кого-то обидеть? Она с недоверием отнеслась к упрекам директора и выйдя из его кабинета велела сыну не связываться с этой девочкой. Он и не собирался, однако, когда они оба вернулись в класс, девочка, раздосадованная таким исходом событий, обнажив зубы, с сорванным голосом пробормотала перед всеми: “Трус! Спрятался под маминой юбкой?”. Он обомлевший дерзостью этой настырной хамки повернулся и переспросил вышеупомянутый вопрос, а услышав тот же ответ, взбесившись дал ей сильную пощечину, от которой та пошатнулась, чуть ли не потеряв равновесие. После он испытывал угрызение совести и решил на днях извиниться за содеянное, вот только, парень этой самой девочки узнав о случившемся, решил расправиться с ним. На следующий день, как только он появился, несколько верзил окружили и напали на него скрутив руки за спиной, чтобы тот наверняка не

смог отбиться. Возможно, они знали о том, что он занимался боксом и побоялись, что и в одиночку способен дать отпор. Хорошенько его разукрасив, все разбежались. Следующим утром он явился в школу со здоровенным фингалом, синяками и как будто на зло столкнулся с той девочкой в коридоре, которая буквально лезла на рожон и с ехидной улыбкой спросила: “ну, понял хоть что-нибудь?”. На это едкое замечание он ответил так громко, чтобы все тут находящиеся обязательно услышали; “да, понял то, что твой дружок размазня раз для того, чтобы избить малолетку позвал еще двоих упырей”. Упыри стояли рядом в том числе и главная размазня. Окружающие смеялись над ним, а тот в свою очередь попытавшись постоять за себя гордо заявил, что и в одиночку сотрет его в порошок, но услышав бесстрашный возглас со стороны Наблюдателя, замолк и поспешно удалился, затаив обиду за такое унижение. С этого дня он боялся еще сильнее, постоянно был на иголках и смотрел в оба каждый раз, когда выходил из дома, думая, что эта шайка отбросов скалит на него зубы из-за его замечаний. Тревога стала его верным проводником и не отступала ни на шаг; он уже успел позабыть каково было жить без неё. На удивление они не проявили больше агрессию по отношению к нему, но он тем не менее искал в этом какой-то подвох. Спустя какое-то время вражда между ним и той девочкой возобновилась. Они находились в зале физкультуры, как вдруг девица со всей силы ударила его мячом по голове. Он от неожиданности и злости

выкрикнул в ответ оскорбление, о котором вскоре пожалел. Оскорбление прозвучало очень грубо даже сказанный в адрес такой стервы. Та в свою очередь доложила об этом своему парню, что послужило маслом, подлитым в огонь. Они столкнулись в мужской раздевалке. Наблюдатель одевался очень медленно и всегда выходил последним. Мститель об этом прекрасно знал и дождался той минуты, когда все выйдут и он останется с ним наедине. После нескольких резких слов он набросился на него с кулаками, как зверь на свою добычу, охваченный ненавистью и злостью. Пожалуй, если бы он знал, что убийство сойдет ему с рук, то он без колебаний покончил бы с ним. Наблюдатель ловко увернулся от ударов и стал контратаковать. В результате драки мститель ползком выбежал из раздевалки с отеками и ссадинами на лице и теле. Убегая, показал ему средний палец, будто он сам одержав победу с неуместной гордыней покидает поле боя. Наблюдатель ведь не был таким, в глубине души он чувствовал себя паршиво за то, что избил человека, но ведь, разве можно называть подобное отребье человеком? Двойное впечатление от той драки застряло в горле комом.

И вот ему уже двадцать два, а воспоминания сохранились слишком отчетливо.

Восторженные и пьяные люди заполонили все улицы. Он чувствовал себя несовместимым среди тысячи незнакомцев.

Рвёт волосы замерзшими руками. Он застрял в этом городе навсегда; он заточен в могильной тишине ночи. Силуэтами окружили его здания и прохожие, от которых не скрыться, не сбежать. Он для них лишь простой прохожий, чужак, не принадлежащий этой земле, оказавшийся здесь по ошибке. Плетётся, рвёт волосы замерзшими руками. Помниться когда-то, он играл здесь, строил планы на будущее, а теперь будущее развалившись на мелкие крупы наивности постепенно стирает его существование. Его не видно, его нет, тут лишь отголосок из далёкого детства человека, которого принудили на жизнь в кошмаре, выбраться из которого он не в силах. Плевок из бездны, вот кем он является; субстанцией без особых причин быть здесь, говорить, наблюдать. Плетётся, рвёт волосы замерзшими руками, неся свой будущий труп к концу пути. Что же там его ждёт? Есть ли там кто-то, кого он сможет обвинить во всех своих провалах и неудачах? Или же это зов бездны убаюкивающий, робкий, манящий обратно в свои покои, где пустота единственный твой спутник в вечности?

ГЛАВА 2 СЕМЬЯ

Утро начиналось с криков исходящих из соседней комнаты. Он, лежа в постели пытался предугадать чьи они кон-

кретно и вслушивался. Мужской грозный голос приказывал кому-то что-то выполнить или же заставлял жить по своим правилам. Ему не хотелось вставать. Он не был готов участвовать во всем этом, играть свою роль маленького ребенка, которого ни во что не ставят и смотрят как на неполноценного человека без чувств, мнения, души. Он был заперт в своём крохотном мирке, где чужеродное не могло ворваться во внутрь, и все происходящее за пределами не имело ничего общего с ним. Тут было уютно, спокойно и тихо, из-за чего он не сознавал что находится в заключении, что эти стены не именуются друзьями, напротив, они жестокие надзиратели, не пускающие к нему гостей из наружности, и даже те крики казались настолько отдалёнными; будто находились в другом месте, в другом измерении, планете, в совершенно другом мире. Ему нравилось времяпровождение со своими тюремщиками, они были роднее чем отец, устроивший этот неприятный балаган. Он нехотя встал, накинул на себя теплую кофту и вышел из комнаты. Все собрались на кухне, сестра сидела за столом и следила за тем, как родители ссорятся. Он подошел к ней и встал рядом будто бы присоединившись к просмотру фильма.

– Брат, может нам стоит вмешаться, помирить их? – неуверенно спросила она.

– Не стоит, они должны сами разобраться. – ответил он, и

сохранив свою позицию наблюдателя сел рядом с ней.

Родители часто ссорились, они не выносили друг друга, скорее всего даже ненавидели. Отец был эгоистом не имеющий отношения к семейной жизни, а мать была жертвой обстоятельств, которую лишили счастья и любви, испоганив всю дальнейшую судьбу. Он презирал её – женщину, подарившую ему двух прекрасных детей – женщину, за которую когда-то убивался и боролся, чуть ли не принудив выйти за него замуж. Он ненавидел её всей своей физиономией, манеру её речи, позу, взгляд, голос, особенно голос. Он казался ему настолько противным, что ему иногда хотелось взять ножницы и отрезать ей язык. Он смотрел на неё и видел лишь отвращение воплоти. Дети иногда убеждались в том, что отец вполне способен убить её, причем хладнокровно, со всей присущий человеку жестокостью и манией, они боялись, что однажды так и произойдет. Наблюдателю было тогда 8, а сестре 12, они росли во враждебной среде и уже приспособились к подобной обстановке. Он иногда ощущал себя так, словно являлся главной причиной их несчастья, связующим звеном, преградой, не позволяющей родителям окончательно расстаться, и что самое удивительное; он не думал так же о сестре.

—

Может и руку станешь поднимать на меня при детях? – завопила мать.

Тебе не помешала бы хорошая пощечина мразь, достала ты меня уже, мне домой возвращаться не хочется больше! — заорал отец и попутно разбив тарелку об стол, от чего дети вздрогнули, вышел из кухни направившись к выходу.

Мать собирала осколки с пола голыми руками, и нечаянно порезав пальцы продолжила, не придавая этому никакого значения. Сестра ринулась на помощь, в то время как он стоял остолбеневший и без единого движения сопровождал их взглядом. Он понятия не имел как реагировать в подобных ситуациях, и то недоумение, в котором он находился, продлилось очень долго. Сказать, что он был зол на отца будет враньем, скорее наоборот, он его отчасти уважал, но очень сильно боялся. А что на счет матери, она любила сына, но временами, когда злилась на него, говорила, что тот похож на своего отца, то есть на человека, которого она терпеть не могла. Каждый раз после этих слов он замыкался в себе и закрывался в комнате, беседовал сам с собой пытаясь забыть-ся, занять себя чем-то, убить затянувшееся время. Злопамятным он не являлся, о чем не скажешь о сестре, которая не простила ни единого слова, ни единого действия отца. Она отреклась от него, ибо рана, оставленная им с детства, стала уродливым шрамом на её сердце. У неё был кардинально другой характер, она не любила подчиняться и подчинять, не любила, когда ей что-то навязывали, указывали или управляли ею. С возрастом она черствела и узнав человеческую

сущность получше, предпочла не иметь с ними дело если это не было необходимо. Она была добра, великодушна и любезна почти со всеми, с кем доводилось пообщаться, но пообщавшись с тем или иным человеком хранила верность своим принципам и не верила никому, ибо в любом человеке найдётся место для лицемера и корысти. Она была неуступчивой, своевольной и принципиальной, как нам уже довелось узнать. После того как отец развелся и покинул их на сей раз насовсем, она уничтожила все останки теплых воспоминаний давно минувших дней, мысленно разожгла костёр и сожгла все связанное с ним, избавившись от навязчивого фантома идущего по пятам, она будто спалила вонючую футболку с несмываемым пятном и наконец вздохнула с облегчением.

Ей было тридцать, она жила с матерью и братом, которого видела настолько редко, что успела позабыть черты его лица. Она всегда считала брата непомерно мягкосердечным, наивным и до глупости добрым, поэтому опасалась за него, обычно таких людей как он, безжалостно ломают, топчут, плюют им в лицо, а что еще хуже манипулируют используя его кротость в своих коварных целях. Этот мир изначально был рассчитан для подлых и хитрых, ведь ради выживания необходимо убить в себе совесть с младенчества и печально то, что в подобной грязи находился он: не испорченный, не сгнивший и честный юноша, который в свои двадцать шесть все еще верил в человеческую непорочность,

в искренность слов и поступков. Она боялась видеть в его неискушённом взгляде разочарование и неопишную тоску, раскалывающую пополам всю душу. Её бросало в дрожь от мысли что однажды, посмотрев на него, она увидит своё отражение. Наблюдать за этим человеком со стороны, замечать подлинную искру в глазах доставляло неподдельное удовольствие и самый настоящий ужас. Видеть изо дня в день, как он упорно настаивает на своем, строит планы, веря, что когда-нибудь обязательно их осуществит, терпеливо ждёт, набирается опыта, настырно доказывает свою правоту, да так, что волей не волей начинаешь верить в это без единого сомнения, безусловно радовало, но спустя некоторое количество времени, когда началось его хождение по мукам: бесконечно тянущиеся бессонные ночи, постоянная усталость, недоедание, полное отсутствие перспектив на будущее, бесцельные бродяжничества по ночному неприветливому городу, курение, опустошенность и наплевательское отношение к самому себе слишком болезненно отразились на сестру и мать в том числе. Они смотрели сквозь него, будто он бледная тень себя самого, лишь хорошо знакомый фасад, только потрёпанный, обветшалый, полуразвалившийся, а вся та целеустремленность, энергия и страсть коим он был объят когда-то испарились напрочь и вот, постепенно походив на полуживого он, мелкими шажками искоренял всю свою веру во что-то светлое и незапятнанное. Последняя надежда, которая теплилась в сердце сестры, что в этом гнусном мире,

полный боли и предательства можно остаться не изуродованным, потухла, вместе с искрой во взгляде брата. Она не понимала, чем он занимается всю ночь, куда пропадает, однако, зная о его затворничестве, предположила, что тот просиживает в темном и безлюдном уголке, таращась в одну точку и погрузившись в дебри своего подсознания. Невыносимо было от того, что любая предложенная помощь, любой упрек, он принимал в штыки или вовсе не брал во внимание, словно его огородила от окружающей действительности незримая стена, спрятав от всего происходящего вокруг. Он мог не есть целыми днями, или питаться только вредной отравой, прожевывая каждый кусочек пищи с тошнотой и неохотой лишь для того, чтобы поддержать в себе жизнь. Тяжкое бремя тщетности бытия опустило свои цепкие когти на его плечи, захватив его в плен и заблокировав все импульсы радости, словно дементор высасывающий душу из смертного. Все яркие цвета разом потускнели, превратившись в монотонную кашу из оттенков серого, как в старых немых фильмах. Лица людей стали размытые, страннее, страшнее, перемешавшись между собой. «Неужели это тот же самый мир, где мы жили, будучи детьми? Неужели он всегда был таким, и пелена перед нашими глазами не позволяла видеть всё то уродство, что я лицезрел теперь?» думал он, прокручивая эту мысль безостановочно. «Где мне отыскать укрытие среди разрушений и хаоса, среди бессердечности и мрака, как не потерять свой облик находясь в окружении кровожадных

извергов? Как выбраться из этой проклятой комнаты и не умереть от страха перед обществом, когда сталкивался лишь с глумлением и пренебрежительным отношением? Как мне быть, хоть кто-нибудь, ответьте, иначе я уже сойду с ума!”.

Мать хотела обратиться к Богу с молитвой о том, чтобы её ребёнок вышел из глубокой ямы отчаяния и вновь улыбнулся своей искренней улыбкой, как в далёком детстве, чтобы он порадовал своим простодушием и не побоялся смотреться в зеркало, при каждом объятии чувствовать теплоту его тела, легкую непринужденность и затерянное счастье, которое сама не смогла испытать, однако быстро опомнилась и окончательно утратив веру, выразила свои желания в виде бессильных слез. Она винила себя в его страданиях, ведь из-за её решения он появился на этот мерзкий свет, где господствуют неистовство и безразличие, где люди убивают себе подобных, отнимая у чужого самые заветные мечты. Поразительно то, что узнав о всех ужасах творящихся вне комнат, люди продолжают безукоризненно приговаривать на жизнь других людей, что на самом деле хуже смерти или небытия, ибо рассчитывать на то, что их дети не столкнутся с проблемами, неудачами и проживут совсем другую жизнь обретя то, что они сами обрести не смогли, попросту глупо и нелепо. Отчасти каждый из них узник, строивший воздушные замки, вообразивший себя самым свободным человеком на земле, с излишним самолюбием, с чувством собственной исключительности, словно клон, считающий себя оригина-

лом, избранным, важным и неповторимым творением. Все знают, что все умирают в одиночестве с трагичностью осознавая свою никчемность и незначительность в самый последний момент. Оглядываясь назад в прошлое, вспоминая все ошибки и провалы, они начинают жалеть себя и горевать, но все это конечно без толку. Смерть нетерпелива, безжалостна; она не прощает, не дает никому второго шанса, и каждый с неохотой признав тот факт, что является её заложником, трясётся как загнанный в угол зверь. “Боже спаси нас, помилуй, разве ты не видишь, во что превратилась земля? Все цветы давно завяли, солнце перестало согревать, моря приобрели багровый оттенок, воздух стал ядовитее, люди потеряли былое человеческое обличие, чернота распространилась повсюду, разве ты не видишь, как нам страшно, не замечаешь нашу боль и не слышишь молитвы? Боже, неужели ты покинул нас?”. А тем временем болтающийся на веревке труп Бога медленно разлагался.

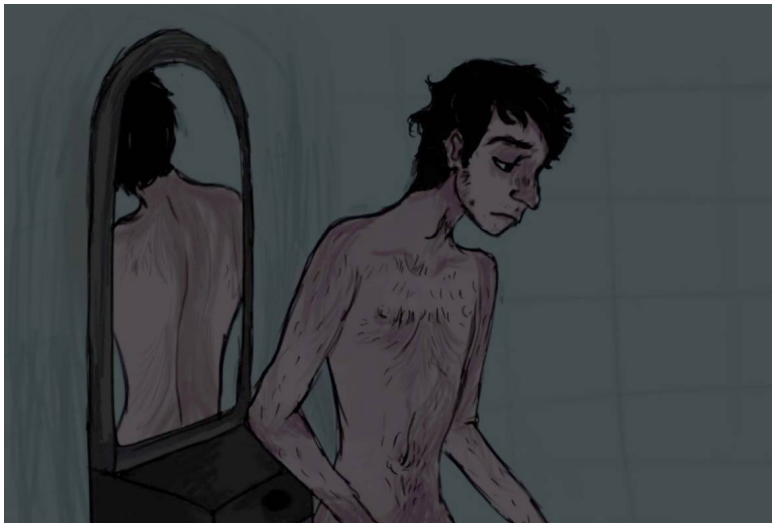
“Отец, тебя так не хватало в моей жизни, но тем не менее, я всегда считал, что без тебя гораздо лучше, ведь ты был камнем на моей шее, великим и ужасным диктатором противиться которому не хватило духу. Ты держал меня в постоянном страхе и в твоём присутствии мне даже дышать становилось трудно. Знаешь, ты был моими стальными кандалами, и я рад, что наконец избавился от тебя. Помнишь, я однажды сказал, что хочу быть известным музыкантом, поступить в консерваторию, отучиться, построить карьеру, стать

тем, кем мне хотелось больше всего? Ты грозно посмотрел на меня, и с повелительным тоном произнес, “Не носи ерунды, выкинь из головы столь дурацкую идею, семью ты музыкой своей не прокормишь и сам с голоду помрешь в нищете, ни в коем случае, повзрослей наконец!”. Одного твоего сверлящего взгляда хватило, чтоб заткнуть меня навеки, заставить откусить язык, залезть в шкаф и не высовываться больше. Я сделал всё так, как ты приказал, поступил на архитектора, переложив свои желания на верхнюю полку, к которой почти нельзя было дотянуться, чтобы отныне не чувствовать этот леденящий кровь взгляд. Впрочем, втихаря, я занимался сочинением музыки, в глубине души обнадежив себя тем, что ничто не способно повлиять на мои решения. Я ненавижу свою профессию, ради получения которой потратил свои лучшие годы. Сейчас, я совсем сник, улетучились прежние мои качества, силы на пределе и мне порой кажется, что я больше ни на что не способен. Ты говорил что-то на счет семьи, но у меня её попросту нет, как и личной жизни. Я живу с мамой и не прилагаю никаких усилий, чтобы изменить сложившийся образ жизни, это ведь ни к чему, кому я нужен кроме неё? Куда я пойду, дабы не чувствовать себя чужим, так как нигде на свете нет моих дорогих стен кроме моей комнаты. Я не умею готовить себе завтрак, понятия не имею как заваривать кофе, чай, как стирать одежду, как их гладить, как платить за коммунальные услуги, как работать, жить самостоятельно не завися от чей-либо помощи; знаешь

отец, я бесполезен, и твои советы ничем не помогли; все это один сплошной обман, надувательство, в которое я беспрекословно верил. Мы абсолютно другие люди, твои ценности не совпадают с моими, ты бросил нас, твердя мне, что семья важнее всего; как мне верить тебе, если ты противоречишь своим моральным установкам? Я всегда находил в себе сходства с тобой, незначительные мелочи, пустяки, быть может из-за нехватки твоей любви и внимания пытался быть поводом для гордости став на тебя максимально похожим? Не знаю, что и думать. Возможно, я принимаю тебя как личность и в какой-то мере уважаю тебя, но как отец ты не удался, ты им и не был, не стоило тебе жениться, в этом я полностью убежден. Ты никогда не чувствовал себя в своей тарелке находясь дома, твоё понурое лицо и замученный вид говорили сами за себя. Мы с сестрой запирались в ванной, чтобы не слышать твои замечания и ругань, тем самым оставив тебя наедине с женой, к которой ты уже давно перестал питать нежные чувства; складывалось ощущение, что мы тебя предаем, и нам становилось дурно, но даже это не вынуждало нас выходить из своего укрытия. Ты был просто невыносим; мы для тебя словно непереносимая ноша, груз, от которого ты больше не мог избавиться; именно поэтому не терпелось, выйти из дома, развеется, сделать вид, что никакого балласта не существует, ведь пока ты вне дома – нас нет, по крайней мере для тебя. Сидеть в престижных ресторанах, дешёвых кабаках, не имело значения, лишь бы окружить себя

товарищами, в обществе которых ты позволял себе непристойные шутки и остроумные замечания. Ты любил разглагольствовать, рассказывать истории из своей бурной молодости, иногда даже пересказывать одни и те же, кои присутствующие уже выучили наизусть. Ты забывался в компании, и тяготы жизни не казались тебе столь чудовищными, ведь они не обременяли тебя никакой ответственностью; литры выпитого алкоголя омывали скопившийся налёт семейных обязанностей, и ты впадал в транс. Знаешь, мне было очень трудно приспособиться ко всему новому, чаще всего я избегал этого, но минуты, безостановочно движущиеся вперед, несли мое озябшее тело в бездонную пропасть. Я был ребёнком и мне хотелось веселиться в полную силу; я стал подростком и столкнулся с препятствиями, к которым не был готов; став старше, я понял, насколько сильно погряз в зловонной болоте, и будучи моим отцом ты не подал мне руку. Твои руки способные только красть, ломать и бить были засунуты в карманы, когда я нуждался в помощи, может ты хотел видеть мою медленную кончину и торжествовать? Ты не объяснил, что я должен буду уподобиться шайке отбросов для того, чтобы избежать издевательств, и когда я выделюсь чем-то то моментально превращусь в козла отпущения. Ты не предупреждал о том, что небо вовсе не такое голубое, что рано или поздно тьма поглотит весь свет, не оставив ни единого луча. Ты не говорил, как противостоять злу, а не объединиться к нему, поскольку лишь оно является воисти-

ну настоящим. Отец, ты ничего не сказал мне про женщин, не предостерег меня, хоть они и не смотрели в мою сторону приняв за чудаковатого клоуна или неуклюжего олуха; все-таки, им иногда удавалось меня соблазнить. Я влюблялся в разных девушек еще со школьного возраста: кто-то привлекал своей красотой, кто-то своей прямоотой, кто-то и вовсе необузданностью; их объединяла одна общая черта – каждая была начисто моей противоположностью. Я писал им стихи, но они их рвали на моих глазах, сжигали или бросали. Я собирал клочки ассоциируя их со своими чувствами, подавляя подступающие слезы; неужели так легко вытереть ноги об чью-то душу? Находя в себе целый букет недостатков, я оправдывал их действия и даже счёл разумными. Меня удивляло то, какие им парни обычно нравились: глуповатые, бескультурные, на вид сильные и приземленные; так что я совсем не входил в эту категорию; скорее всего, для них я был полоумным, и никакая уважающая себя девушка не стала бы связываться с таким как я. Меня это поначалу задевало, но потом я смирился со своей участью и принял эту природную неприязнь как должное. Комплексы сосуществовали со мной, пожирав все мысли и не было ни единого дня, чтобы я жил порознь. Я избегал зеркал, дабы не видеть столь ненавистное мною собственное отражение и не пополнять список своих недостатков. Мне было известно, что выгляжу я далеко не опрятно даже можно сказать безобразно, а излишнее напоминание об этом было бы очень некстати.

Знаешь, я этим парням даже завидовал хоть и считал их малообразованными идиотами, им было гораздо легче чем мне, они меньше думали или не думали вовсе, держали всех в узде, да ещё и их за это уважали, боготворили. Жаль, что я не сумел стать таким же недоумком и наконец познать счастье.

Как-то раз я решил проследить за одной особой, было любопытно; где и как она живет, чем вообще дышит. Сев с ней в один и тот же автобус, я пристально наблюдал за её движениями, мимикой; со стороны могло показаться, что я какой-то маньяк или насильник, изучающий будущую жертву.

Помню лишь то, что я, уставившись на неё за все время ни разу не моргнул. Она вышла на своей остановке, вокруг не было ничего примечательного: пустынные и грязные улицы, полуразрушенные дома, хрущевки, голодные бешеные псы, лающие друг на друга, и больше ни души. Она уверенно шла вперёд, не смотря под ноги, с гордо поднятой головой, и казалось, что она вот-вот споткнётся о что-нибудь и упадёт. Наконец дойдя до дома, она остановилась и бросила на меня изучающий взгляд, в котором отражалось отвращение. “Отстань от меня наконец”, проворчала она, но я не шевельнулся. “У меня уже есть молодой человек!” выкрикнула она раздраженная моей наглостью, на что я ответил, “мне плевать”. Она угрожала меня полицией, но и на эти угрозы я никак не отреагировал. Я играл роль настырного и бесстрашного мужчины, но как выяснилось, актер из меня никудышный, ибо волна страха захлестнула меня, а унимать дрожь становилось всё труднее и труднее. Она просто захлопнула дверь, а я уже начал жалеть, что во все это ввязался, “а что, если она натравит на меня своих старших братьев или каких-то знакомых, а что если они уже ждут возле моего дома с дубинками или ножами?” подумал я, и постоянно оборачиваясь назад, старался себя успокоить. По пути домой, разгадывая причину своих поступков, может, я уже настолько отчаялся, что подсознательно пытался выяснить корень этого отвращения, заставляя её поверить в мою непоколебимость и решительность, тем самым влюбив в себя иль быть может

с целью потащить в постель? Какой же бардак в моей голове, смогу ли я его убрать когда-нибудь? Возможно, это происходит из-за нехватки любви, жажды быть к чему-то или к кому-то привязанным, нужным, желанным. Как тогда, так и сейчас я чувствую себя одним из тамошних псов, с разинувшей пастью, пустым желудком, мечтающий хотя бы о кости, которую никто не соизволяет дать.

Когда уже стемнело, по привычке я вглядывался в окна чужих домов, где горел свет, думая, что вероятно в одном из них есть человек, которому я необходим, и что рано или поздно наши судьбы переплетутся.

Папа, ты знал, что я курю? Да, уже несколько лет я заполняю свою внутреннюю пустоту табачным дымом, отчасти у

меня есть лишь пара друзей не считая своих стен: сигареты и одиночество. Курю я уже четыре года, но боюсь, если я расскажу тебе причину того, из-за чего я вообще начал, ты либо разочаруешься во мне, либо не захочешь вовсе меня знать. Я был влюблён, разумеется, не взаимно, и это меня просто убивало. Видя в ней недостижимую цель, я нарисовал для себя тернистый путь боли, который должен был пройти босиком, пока вся кровь не вытечет из жил, пока от истощения не потеряю сознание, пока не умру. Жертвуя своими интересами и полностью проигнорировав свое “Я”, мне приходилось подстраиваться под неё; мне казалось, что если я стану на неё похожим то она обратит на меня внимание, начнет замечать, что у призрака так лихорадочно преследовавшего её тоже есть чувства, плоть, и сердце, которое он готов был без раздумий подарить ей. Очарованный этой энергичностью, красотой и обаянием, я занимался самообманом, убедив себя в том, что музыка в принципе не так уж и важна, моё счастье тоже второстепенно, я готов был отказаться от своих единственных и преданных друзей ради толики её нежности, связать себя узами брака, в котором мое настоящее “Я” пожизненно находилось бы в колонии строгого режима. Отдаться в добровольное рабство ради одного единственного лакомого кусочка, вероятно я жил впроголодь всю жизнь, или являлся подлинным мазохистом. Если бы сатана существовал, я бы заключил с ним сделку, отдав всё что угодно взамен её любви. Страшно об этом даже ду-

мать, я чувствовал себя настолько обречённым, что хотелось выброситься из окна, попасть под колеса машин, провалиться сквозь землю, но не сознавать своё столь плачевное состояние. Преследование стало моей потребностью на равне с пищей, водой и воздухом. Я гнался за ней как умалишенный, хотел запомнить все мельчайшие детали, её голос, черты характера, стиль одежды, часто поднимаемые темы разговора, музыкальные предпочтения, жестикуляцию, поведенческие особенности, в общем, всё что только можно знать о человеке. Иногда это даже выходило за пределы разумного больше походив на неистовую одержимость; я был не властен над своими мыслями и поступками, они сами управляли мной выбрав своим катализатором мое изувеченное тело.

В то время я отлично рисовал, бывало оставался после уроков чтоб дорисовать картину. И вот однажды, мне приспичило нарисовать её портрет, на который я потратил несколько бессонных ночей, уйму времени и сил. Я свято верил в существование небольшой вероятности что она, всё-таки, передумает, расстанется со своим кавалером воссоединившись со мной, что не всё потеряно, и солнечный свет коснётся моей побледневшей кожи. Но она, увидев плод моих стараний, пренебрежительно фыркнув, посчитала нужным лишний раз напомнить о наличии партнёра, закрыв тем самым мой рот на замок и искоренив все мнимые ожидания. Я, облачённый в глубокий траур, завернул в мятую тряпку последнюю надежду и с неподдельной горечью оплакивал её

во время похорон. После этого, купив в первый раз курево, я направился на смотровую площадку откуда открывался прекрасный вид на ночной город. Сев на ступеньку, я вынул из пачки одну, и утешив себя нелепым вздором, что это первая и последняя сигарета, зажег её. “я на дне, на самом дне” единственная мысль, которая проскакивала в уме в тот злополучный день.

Ты бы только видел: скрежет зубов, обгрызенные ногти, неизъяснимое волнение, её очертания при свете ночных фонарей, уверенная неспешная походка, блаженная тишина, если не брать во внимание звук собственных шагов; все это смешалось воедино, образовав необъяснимую сказочную атмосферу. Хотя я и знал, что иду в никуда, а все дороги приведут к неминуемой гибели; использовав свои страдания вместо топлива, я, изнемогая, выдавливал из себя несколько вымученных слов, дабы написать очередную песню про сокрушение; а для усиленного эффекта, подходил ближе к мусорному ящику чтоб надышаться вонью и чувствовать себя в своей естественной среде. Мне хотелось плакать, прижавшись к кому-то прося о помощи и защите. Неподалёку появились играющие дети, и только тогда я заметил, что уже рассвело. В глазах двоилось, от раздумий трескалась голова, словно чёрная дыра поглощала все мысли, оставив одну лишь пустоту в черепной коробке. Внутренности сжимались от понимания того, как цинично распоряжаюсь своими чувствами использовав их как ресурс для достижения мифиче-

ских целей; будто живущий во лжи бездарный актер, гиперболизирующий всё вокруг ради пополнения ещё одним грошом копилку сделанную из слёз, тоски, и терзаний. Я повзрослел, теперь уже не смогу играть вместе с детьми; это покажется странным, косые взгляды сразу направятся на меня пробудив в памяти мысль о необходимости вести себя как заурядный, серый, разочаровавшийся во всем человек, мечущийся из стороны в сторону, ради сохранения небольшого места под солнцем, погрязший в безотрадной рутине: работа, дом, семья, работа, дом, усталость, нелюбимый ребёнок, ворчливая жена, зарплата спущенная на бытовые нужды, работа, и так, годами, до самой гребанной смерти! А ведь совсем недавно я играл в футбол, бегал, веселился; неужели теперь мне нельзя себе этого позволить? Эй, люди, что с вами стало, с каких пор вы начали разрушать карточные домики, и строить настоящие? С каких пор вы начали порочить себя думами о деньгах и репутации? Когда вы успели испортиться? Мне страшно быть таким как вы, одним из вас; куклой, чучелом, заведенной игрушкой в чьих-то руках. Собрать себя по кусочком из чужих индивидуальностей, быть никем считая себя особенным, словно сама вселенная крутится вокруг вас, однако правда в том, что вселенной плевать на каждого. Вспомнились слова Гамлета, и я стал цитировать его в уме: “Какое чудо природы человек! Как благороден разумом! С какими безграничными способностями! Как точен и поразителен по складу и движениям! В поступках как бли-

зок к ангелу! В воззрениях как близок к Богу! Краса вселенной! Венец всего живущего! А что мне эта квинтэссенция праха?”. Мяч покотился к моим ногам, ребята с улыбочивыми мордашками смотрели на меня, ожидая, что я верну его им; и в этот самый момент мне захотелось разрыдаться.

В детстве мне нравилось, когда меня брали на руки. Я смотрел свысока на всех, возомнив себя птицей или королем мира, нравилось чувствовать теплоту заботливых и родных рук, лица любящих людей, не наигранные улыбки, предчувствие безоблачных дней; часами глазеть в голубой небосвод, не замечая ничего кроме голубизны, а весь ад творящийся извне, оставшись за стенами комнаты не пачкал клочок моего неба. Теперь же, он в какой-то степени проник и в мою голову, разбив вдребезги стёкла розовых очков так, что осколки попав в глаза заставили их кровоточить. Прозрев, я увидел над собой тусклый потолок, прогоревшие чувства и усталые лица, а страх внутри всё рос без остановки от осознания, что это лишь малая часть того самого ада. Нет ничего ужаснее человеческого равнодушия, а именно безразличия по отношению к жизни, вот что я лицезрел в самую первую очередь. Моя мать так и никого не полюбила, сестра никому не стала доверять, а я, потеряв непоколебимую веру увидеть что-то кроме потолка, пишу тебе это письмо держа в уме так долго лишь один вопрос... возьмешь ли ты меня на руки еще хоть раз? Ласковые прикосновения в этой преисподней самый изысканный деликатес, а все ненасытные греш-

ники добровольно соглашаются на всевозможные унижения, опускаясь ниже земли ради получения этого редкого вознаграждения. Потеряв рассудок в непроглядной тьме, человек способен на все: убить своих близких, чужих, себя, лишь бы прекратить боль и остановить мучения. Так легко ранить человеческую душу, вывернуть её наизнанку, высморкаться ею, ведь подобное преступление не карается законом, и даже божий суд над ним не властен, вероятно, он покинул свой пост, оставив нас всех на произвол судьбы. Сколько лести в доброте и правоты в злобе, что я невольно начинаю захлебываться в океане ненависти, барахтаться в нём не умея плавать, ибо её избыток всегда смертоносна. Знаешь, я решил не заводить детей, поскольку страх стать таким же безалаберным отцом как ты, взял верх над инстинктами.

Страшно жить”.

ГЛАВА 3

ВЫХОД

Чёрные силуэты сопровождают его в пустынный мир, чёрные вороны приземляются на плечи словно вестники дьявола, чёрные кошки с громким мурлыканьем идут следом как компаньоны чёрного призрака. Сверкают в темени этой лишь глаза животных, они горят ярко красным огнём, карканье птиц вводит в ступор, и нет дорог под ногами, нет кислорода. Чёрные сущности передвигаются по кровавым обла-

кам в поисках своего драгоценного светила. Из плеч его вырастают чёрные крылья, а ненужные отвалившиеся руки он скармливает своим спутникам. “Где же ты солнце? Под какими тучами прячешься? Иль ты специально подвергаешь наказанию всех нас? Покажи же, какой мир под нами спит в твое отсутствие.” Чёрное солнце вырвавшись из объятий бездны, с судорожным трепетом изрёк: “Известно ли тебе, какие внизу ужасы творятся? Если бы ты только знал, если б только видел... не явился бы ко мне с подобной просьбой. Ты уверен, что, если я озарю нижний мир ты не лишишься рассудка?”. На этом моменте Наблюдатель, пробудившись от кошмара, нервно вытер пот со лба и не мог прийти в себя ещё несколько часов.

Одевшись во все чёрное, он вышел на улицу пока беззвездное небо сеяло панику среди живущих. В одном кафе играла громкая музыка, прислушавшись, он сразу узнал песню The Rolling Stones – Living In a Ghost Town. Простояв около входа несколько минут, нашел в тексте сходства с собой, “Я призрак, живущий в городе-призраке. Я уйду в никуда, молчаливый и одинокий, Я призрак, живущий в городе-призраке. Ты можешь искать меня, но я не могу быть найден. Прошу, пусть это закончится. Я не могу затеряться в мире, который не имеет конца.” Она застряла в его голове, и бродя в городе окутанный туманом, видя только чёрные фигуры прохожих вдалеке, он смешавшись с мглой, созерцал мед-

ленно умирающий город, который оставлял его наедине со своей верной супругой.

Незаметен, как дух мертвеца, как плач ребёнка или смятение старика, словно обваливающаяся покинутая постройка, опустевший храм, пустая гробница, непрерывный ливень, ледяющий шторм. Он был частью огромного мира, который не смог приютить его непокорную душу, и если в этом нет ничего предосудительного, то справедливость существует на равне с человечностью, божествами или милосердием. Небо обрушивается на него, земля трещит по швам, сородичи с факелами изгоняют из своих коммун, ветер сдувает с места, кипящая дождь как кислота прожигает насквозь, огонь не греет, еда не насыщает, будто все явления стоворились против бедного отшельника с целью выкинуть из дома своего. Сбежать, но куда? В другое измерение? Каким образом осуществить побег от самого себя, если даже смерть решила не замарать руки держась в стороне? Куда податься? Непроступные стены образовали непроходимый лабиринт – именуемый комнатой, которая разделилась на внутреннюю и внешнюю, предохранив незваного гостя от негостеприимных дикарей. Оставаться в тени, подальше от людского взора, дабы воздух не успел стать токсичным, а стихийные бедствия не нанесли ему вред, дышать неглубоко, не говорить в слух, шагать тихо, лишь мыслить, осторожно, не выдавая себя, скрываться как разыскиваемый беззаконник и без резких движений вытирать слёзы не уронив их на эту неблагоприят-

ную землю. Казалось, изгнание продлиться вечно, ночи напролёт, одно и то же год за годом, пока лицо его не покроется морщинами, тело язвами, кожа не обвиснет и разум не затуманится; а никто даже и не узнает о существовании привидений, посчитав их вымыслом, несусветной чушью. Всё сочиненное им исчезнет бесследно вместе с безмерной печалью, которую он нёс в себе роняя крупички её на дорогу, чтобы отыскать обратный путь домой.

Назойливое мяуканье корбило его настолько, что единственным решением стала покупка сметаны. Он подолгу искал проголодавшегося четвероногого, пока не обнаружил, что издаваемые им звуки исходят из обратной стороны ворот какого-то здания, под которые он и просунул упаковку. “РУКИ ВВЕРХ!” приказал чей-то голос, ворота отварились, а за ними стоял офицер, направивший на него оружие. Это было здание службы национальной безопасности. Он, застыв на месте объяснил ситуацию этому человеку, а тот в свою очередь ошеломлённо смотрел на кота, мирно слизывающего сметану. Кто бы мог подумать, что посреди ночи адекватный юноша станет этим заниматься, уму непостижимо! Офицер отпустил его, но тогдашнее удивление, вряд ли сумеет позабыть. “Психи разгуливают среди нас!” подумал он, почёсывая затылок.

Опять снег и слякоть. Избыток белого действует на нервы. Ноги не повинуются и ведут в неизвестное место; может они хотят заблудиться в извилистых переулках, уронить тулови-

ще в мусорный бак, иль отделиться от тела зажив самостоятельной жизнью? Куда бы они не шли в конце ждёт тупик: везде были стены и ограды, решётки и прутья; таково было его убежище. Он уселся на скамейке усмирив свои порывы разбить в хлам всё находящееся вокруг, нога послушно закинулась на другую ногу, дрожь прекратилась, а он, опустошая свои мысли, томно вздыхал. Спустя некоторое, время какой-то мужчина проходящий мимо увидев Наблюдателя, начал приставать к нему, неуважительно настаивая на действия с его стороны. Речь его была излишни манерной и претенциозной, жесты были более женственны, одет был немного вызывающе как обычная уличная потаскуха, глаза и губы были накрашены, волосы доходили до средней длины, руки его как ветви дерева покачивались на ветру. “Только этого не хватало!” подумал Наблюдатель, продолжая спокойно сидеть на своем месте. Ему не особо нравились новые знакомства, но тогда, он настолько отчаялся из-за неудачного супружества с одиночеством, что не стал отпугивать невежду, а настоял на том, чтобы тот составил ему компанию. Они засиделись до утра, за это время, выяснилось, что у потаскухи есть жена и дети, что ему стыдно за свой нынешний образ жизни. Отблагодарив Наблюдателя, он заявил, что отныне перестанет шляться по ночам и вернётся в семью. Верилось в это с трудом, но хотелось бы надеяться, что он смог кому-то помочь сам нуждаясь в помощи больше остальных. Компаньон попрощался, пожав ему руку, и с довольным ви-

дом ушёл. Он смотрел ему в след, догадываясь, что опять всё вернётся на круги своя, его собственная жена не намерена развестись. Он по-доброму завидовал своему временному приятелю подсознательно желая поменяться с ним местами. Вынув из кармана куртки письмо, адресованный отцу, прочитал его и разорвав в клочья выбросил в лужу.

Слишком много откровений для такого непутёвого папаши, да и смысл давить на жалость, обвинять в каких-то личных неудачах того, кто не стал участвовать в твоей жизни, нет, слишком много чести. Зазвонил телефон, с неохотой

той он всё-таки ответил: “Да, отец, со мной все хорошо, я счастлив, успешен, всё ещё живу с мамой, но что поделаешь, так и не нашёл достойную спутницу, в деньгах не нуждаюсь, жизнь прекрасна, полагаю в следующий раз ты не станешь задавать те же вопросы на которые я отвечаю аналогично, пока, всего наилучшего”. Да, прощай. Легко и просто совершать ошибки, но придется за них отвечать, раскаиваться столкнувшись с последствиями, так вот, он – то последствие для своего отца. Мы способны чувствовать, а спектр эмоций слишком разнообразен; некоторые слова, оскорбления, наказания, нравоучения могут попросту сокрушить человека, сравнить с землей намерения и грезы; превратив его в живого мертвеца. С хрустальной психикой надо обращаться весьма бережно, иначе, всё кончится посиделками в безлюдном дворе с щуплыми гомосексуалами. Каждый виноват перед кем-то, в этом и заключается вся трагедия, а если судный день настанет, то на планете не останется живых людей. Размышляя обо всём этом, он написал стих в своем блокноте.

Мысли разбросаны хаотично как неподходящие кусочки пазла.

Я хочу что-то вновь почувствовать, но увы, безнадежно.
И под дребезг струн моя последняя надежда погасла,
А жизнь оказалась бессмысленной, нелепой и ложной.

Подавленный крик беспощадно вырывался из гортани.
Этот растоптанный мир прогнил уже давным-давно.
Я разбит, несчастен, изранен,
Неужели все, кого я любил, лишь издевались надо мной?

Пропитан мечтами что вскоре последняя чума сотрёт
Всех людей с лица земли, уничтожит их, покарает,
Что... когда-нибудь самый долгожданный день придёт,
И омерзительное солнце больше никогда не засияет.

II

Всё обесценено. Красота в мелочах, но впредь никто этого не заметит; все ценности строятся на обмане, который является фундаментом подобной системы. Потреблять, тратить, жрать, жрать, жрать, как убойный скот, обмазываясь золотом, фальшью, тщеславием, превратившись в меркантильных тварей. Вспороть бы им животы, выпотрошить их, наслаждаться посмертными воплями приглушив этим внутреннюю резь. И эта щемящая грусть, не дающая покоя, вылезаящая из каждой щели; эти не зашторенные окна, голоса соседей, банальные умозаключения заставляющие повеситься, отравляют будни. Сколько злобы умещается в таких маленьких телах; она растёт, пускает корни, прочно основывается в своем уютном домике, начиная сосуществование с разумом человека, до тех пор, пока не овладеет им. Оказав-

шись в общественных местах, искоса поглядывая на простых прохожих, он пытался угадать их мысли, строя разные предположения за счёт своих нездоровых ассоциаций. Самое абсурдное заключалось, в том, что сам он верил этим догадкам и принимал их за истину в последней инстанции. Вот, ходит женщина в синем пальто, держа поводок миниатюрной собачки, наверняка её муж бесхребетный пьяница или азартный игрок, не уделяющий должного внимания ей, из-за чего лак на ногтях облезший и сапоги изношенные. Тот пожилой господин с бежевым чемоданом, скорее всего, бывший педагог в отставке которого дети бросили, оттого и вид у него соответствующий – удручённый. А вот и подросток с наушниками, необщительный, волосы патлатые, одежда грязная, видимо родители наркоманы, или любят воспитывать грубыми методами, возможно избивают или оказывают психологическое давление. Полная девушка с зелеными лосинами, леопардовым пиджаком и пурпурно-розовой сумочкой, очевидно, страдает комплексом неполноценности, безвкусьность этому подтверждение. А вот и изможденный молодой человек, с мешками под глазами и со странноватой походкой как у восставшего из могилы покойника, впечатление такое словно при удобном случае покончит с собой, а подождите-ка, это он просто смотрелся в зеркало. Осадок гнетущих ночей душил его, внушая мысль, что выбраться из его захвата невозможно и придется влачить беспросветное существование до конца, но где же конец? Чудовищный мазохизм вы-

нуждает помимо воплей исторгать ещё и словесный понос, и он заполняет новую страницу своими муками.

О, моя сладкая боль,
Я по тебе так соскучился,
Потерял над чувствами контроль,
Противоборствовал, изрядно помучившись.

Без толку, мой друг,
я до остервенения безнадёжен,
Мой сокрушительный недуг
Решил окончательно меня уничтожить.

Жизнь вероломно издевается,
Шутит надо мной колко.
Хочется побыстрее скончаться,
Так и не прожив толком.

Становится тошно по стечению обстоятельств,
С каждым новым днём жалею о предыдущем.
Умение думать стало для меня проклятьем.
Мне не положены ни любовь, ни счастливое будущее.

Оглянувшись вокруг люди замечают вещи,
Быть может находят в чём-то определённый смысл,
А я вместо этого ищу способы изувечиться похлеще,

Ведь ваши ценности жалкий и безнадёжный вымысел.

Зима быстро прошла, после и от весны ничего не осталось, лето невыносимо долго истерзало горожан, а осень как никогда кстати пришла на выручку. Его глаза приобрели уникальную способность видеть в темноте, поначалу это пугало, но потом он освоился. Соскучился по человеческому общению, по тем временам, когда он при дневном свете навещал своих бабушек и дедушек, забавлялся с приятелями, ходил в школу, в эту поганую школу с тяжелейшим портфелем, дрожа и заикаясь. Он довёл себя до пика своего упадка: не засыпал несколько суток, глубокие впадины под глазами распространились на всё лицо, впалые щёки подчеркивали выраженные скулы, тонкие губы были искусаны до крови, появилась трёхдневная щетина, чрезвычайна худоба устрасала, поношенная одежда висела на нём, как на иссохшем трупе, тёмные волосы слегка обросли и обрамляли вспотевший лоб, дыхание было прерывистым, голос – заспанным, взгляд – рассеянным. Он изо всех сил притворялся живым, но у него это не получалось вовсе. Все эти месяцы оставили на нем свой неизгладимый отпечаток, чётко дав понять, что так продолжаться не может, ибо дальше уже ничего нет: никаких перспектив, абсолютная пустота, только холод и скрежет зубов, только смрадный дым, тоска и зловонье. Клетка все сужается и сужается, разламывая его кости, нещадно извлекая из него стоны и визги упиваясь этим.

Он не спал, впрочем, это уже не новость. Ноги подкаши-

вались от усталости, слабость и ломота в теле с утра начали сердить. Он надел белую футболку с кармашками на груди с виду напоминающую рубашку, синие брюки и повседневные кроссовки, причесался избегая своего отражения, и не позавтракав вышел из дома. Впервые за долгое время скривился из-за ясного света, хоть и с опозданием, он шёл на консультацию по приему на работу. Не успев далеко отойти от дома, увидел троих подростков: двух девушек и парня, который играл на гитаре знакомую ему музыку, его длинные волнистые волосы развевались на ветру, а рядом с ним сидели рыжеволосая и белокурая, они шептались друг с другом и негромко хихикали. Он подавлял желание подойти к ним, хоть и понимал, что обязан что-то изменить, вырваться из бездонной пучины, предать тюремных надзирателей, раз и навсегда освободившись от цепей, крепко удерживающих его в убогой комнате. Боялся, что они, увидев его хмурую перекошенную физиономию, испугаются, убегут, исчезнут. Он стыдился своего облика, от одной лишь мысли об этом парализовалось всё тело намертво приклеившись к асфальту. Но наконец, настал кульминационный момент, и он все же подошёл к ним, позабыв о работе, о жизни своей в гнетущих стенах, обо всём. В этот самый миг, он переступил порог, идя навстречу новым открытиям, выходя за дверь, не имея ни малейшего понятия, что находится за ней.

Комната опустела.

